

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Идея сверхчеловека в пространстве отечественной культуры: дискурсы социокультурной объективации

Беляев Дмитрий Анатольевич

Кандидат наук

*Липецкий государственный педагогический университет, Исторический факультет,
Липецк, Россия*

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Идея сверхчеловека является неотъемлемой частью пространства культуры, возникающей в результате проективной рефлексии человека о модусах своего предельно-идеального антропологического состояния. В сверхчеловеке, как модели «посюсторонне-метафизического человека», в концентрированном виде репрезентируется сингулярная совокупность антропологического «горизонта событий», находящегося в прямой нелинейной связи с конкретно-историческим социокультурным дискурсом. В рамках генезиса культуры происходит становление локальных вариантов концепта «сверхчеловек», частично отражающего и выражающего актуальную матрицу культуры, а также формирующего вариативные модели ее перспективной трансформации [1]. Именно поэтому исследование различных вариаций выражения идеи сверхчеловека создает возможность для формирования новой аналитики культуры, понимания ее внутренних метафизически-антропологических детерминант.

Отечественная культура также стала пространством бытования идеи сверхчеловека. Ее экспликация имеет несколько формально-семантических измерений, актуальных для того или иного исторического этапа развития российской культуры. Каждый из вариантов культурной объективации идеи сверхчеловека динамически-диалогово связан с культурной матрицей, ее специфическими особенностями и исторически конкретными доминантами.

Итак, на наш взгляд, можно выделить следующие дискурсы бытования идеи сверхчеловека в отечественной культуре:

1. Былинно-мифологический дискурс. Здесь выражение идеи сверхчеловека осуществляется в рамках былинно-героического эпоса, восходящего к древнейшим пластам русской культуры. Идея сверхчеловека оказывается выражена в собирательном антропологическом концепте «богатырь». Генезис его семантической наполненности отражает эволюция общественного сознания от мифологических форм, природно-антропологического синкретизма, когда образ богатыря выделялся через мифологическую антропологизацию природных стихий, к исторически-государственному, национально-патриотическому осознанию народом собственной идентичности, личностно персонифицированной в образе богатыря. Сверхчеловеческая атрибутика богатыря преимущественно сосредоточена, во-первых, в физиологическом модусе, выражаясь в его сверхчеловеческой силе/мощи; во-вторых, в сверхчеловеческой воле, направленной на эмансипацию человека от природных стихийных начал и защиту отечества.

2. Литературно-художественный дискурс. С XIX в. художественно-литературное пространство стало сферой рефлексии и генерации новых социокультурных и аксиологических моделей, частью которых стала идея сверхчеловека. Современный отечественный писатель Д.Л. Быков справедливо отмечает, что «вся русская литература,

понимаете, нанизана на проблему сверхчеловека». Целый ряд отечественных писателей и поэтов, таких как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, А.И. Куприн, М. Горький, Д.С. Мережковский и Л.Н. Андреев в своем творчестве, пусть и не прибегая к строгой понятийной артикуляции, обращаются к идее сверхчеловека. Общим местом для них оказывается построение модели «нового человека»/сверхчеловека как, в первую очередь, ценностно нового антропологического субъекта. Это отражает общую культурную ситуацию «духа времени», чувство общественного неудовлетворения традиционными ценностями и желание с помощью художественно-образных средств модельно эксплицировать и проекционно осмыслить социокультурное бытийствование людей условно новой ценностной формации. В этой связи необходимо отметить, что идея сверхчеловека понимается ими преимущественно в аксиологическом модусе. Сама специфика говорения в литературно-художественном дискурсе об идее сверхчеловека, ее оценивание и позиционирование во многом указывают на особенности духовного измерения отечественной культуры, раскрывая ее внутренние ментальные коды.

3. Философско-религиозный (рецептивный) дискурс. С конца XIX столетия в России начинается философское осмысление идеи сверхчеловека, инициированное философией Ницше. Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, Вяч. Иванов, Н.А. Бердяев создают пространство философского эксплицитного говорения об идее сверхчеловека. Отечественные философы в своих размышлениях отталкивались от ницшеанского проекта сверхчеловека. Интересно, что последний они понимают исключительно как феномен религиозного сознания. Однако фиксация религиозного и общекультурного смысла идеи сверхчеловека немецкого философа и ее оценки среди отечественных мыслителей диаметрально разнятся. Так одни исследователи восприняли сверхчеловека как антихриста, убивающего христианство и насаждающего языческую религию с культом силы и «ложного» эстетизма. Другие увидели в Заратустре пророка новой религиозности, постгуманизма и даже обновленного христианства, выводящего человека на новый уровень реализации творческих потенций. В целом же, сверхчеловек, в рамках религиозно-философского дискурса, мыслился как определенный предел современной духовной культуры и антропологии и одновременно выход за ее границы в пространство посюсторонней инобытийности, но обязательно в модусе божественно-религиозной сопричастности.

4. Идеологически-социалистический дискурс. В СССР в рамках государственной идеологии была сформулирована особая деятельная модель сверхчеловека – «советского человека», ставшая ядром проекта тотальной социокультурной и аксиологической трансформации. Он стал первым масштабным практическим ответом на запрос «духа времени», требовавшего радикальной переоценки ценностей и ожидавшего прихода *нового*. Идея «советского человека» аккумулировала огромную созидательную энергетику, преобразовавшую социокультурный дискурс и актуализировавшую пространство сверхчеловеческого. Образ «советского человека» явил всему миру пример альтернативной антропологической модели, деятельно трансформирующей матрицу культуры и ее ценностные основания. Одновременно идея «советского человека» стала огромным сверхчеловеческим мифообразом, часто идеологически довлеющим над «реальным» человеком, затмевающим и абсорбирующим его. В итоге можно сделать вывод, что «советский человек», как концептуальное антропологическое образование, стал примером локального варианта «воплощенного», актуального сверхчеловека, созданного в рамках

культурного дискурса «советской реальности».

Сами примеры поливариативного бытования идеи сверхчеловека в отечественной культурной традиции указывают на ее глубокую инкорпорированность в социокультурный дискурс. Поэтому адекватное понимание матрицы отечественной культуры, на наш взгляд, невозможно без, в частности, глубокого исследования бытования в ней идеи сверхчеловека.

Литература

1. Беляев Д.А. Вариативность культурного бытования концепта «сверхчеловек» // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. Сборник материалов областного профильного семинара 24-25 мая 2012 г. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. С. 21-27; Беляев Д.А. Дискурсы репрезентации концепта «сверхчеловек» // Труды кафедры философии и социально-политических теорий. Липецк: ЛГПУ, 2012. Вып. 17. С. 3-6.